

азербайджанцы, не возражая по существу, полагали, что каждой делегации должна быть предоставлена свобода въ выборѣ формы и способа изложенія мысли объ «ускоренномъ разграниченіи». Задуманный шагъ, поэтому, и не состоялся.

Привожу этотъ эпизодъ, чтобы показать, съ какими трудностями приходилось сталкиваться во взаимоотношеніяхъ между делегациями. Трудности эти не были, однако, неустрашимы, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

ГЛАВА XXXI.

ЗАКАВКАЗСКІЯ РЕСПУБЛИКИ И КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ САНЪ-РЕМО.

(апрѣль 1920 года.)

81.

13-го апрѣля 1920 г., предсѣдатель грузинской делегации былъ приглашенъ на совѣщаніе къ г. Роберту Ванситтарту въ Campbell's Hotel. Я отправился туда вмѣстѣ съ Чхеидзе. Оказалось, что такое-же приглашеніе получено было делегациями азербайджанскою и армянскою, такъ что въ свиданіи этомъ съ представителемъ великобританскаго правительства вмѣстѣ съ нами присутствовали: Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ, Богосъ-Нубаръ и Аветись Агаронянъ.

Р. Ванситтартъ обратился къ намъ со слѣдующимъ заявленіемъ: «Я еще въ Лондонѣ искалъ васъ, но вы уже успѣли уѣхать; тогда я вызвался для исполненія возложенной на меня задачи отправиться въ Парижъ, чтобы встрѣтиться здѣсь съ вами и поговорить частнымъ образомъ, по дружески, о нѣкоторыхъ вашихъ общихъ дѣлахъ. Позвольте мнѣ, какъ лицу, хорошо знающему ваши страны и желающему вамъ добра, быть съ вами откровеннымъ.

Въ кругахъ Верховнаго Совѣта многіе держатся взгляда, что никакой будущности у Закавказскихъ республикъ нѣтъ, ибо онѣ не способны къ какой-бы то ни было солидарности и истощаются во взаимныхъ распряхъ... Многое, дѣйствительно подтверждаетъ такую оцѣнку. Намъ, напримѣръ, извѣстно, что по вопросу о *будущности Батума* три закавказскія республики имѣютъ совершенно различныя воззрѣнія. Много и другихъ спорныхъ вопросовъ.

Недавно, познакомившись съ меморандумомъ г. Топчибашева, поданнымъ въ Лондонѣ, я подумалъ, что тамъ есть

идея, достойная государственного человека, а именно, идея совместного контроля Закавказских республик над спорными территориями»...

Последнее сообщение Ванситтарта вызвало распросы и обмен замечаний: оказалось, что мысль Топчибашева была не так понятна. Но это было лишь минутное отвлечение в сторону.

Воспользовавшись ссылкой г. Ванситтарта на Батумь, как на яблоко, будто-бы, раздора между соседями, я немедленно заявил, что такое понимание не точно: ни азербайджанцы, ни армяне не отрицают прав Грузии на Батумь и на батумскую область. «Уверенъ, прибавилъ я, что ни председатель азербайджанской делегации, ни г.г. армянские делегаты, здѣсь присутствующіе, не откажутся признать правильности этого утверждения».

И Топчибашевъ, и Агаронянъ, и Б.-Нубаръ подтвердили безъ обиняковъ, что, дѣйствительно, права Грузии на Батумь, съ областью, ими не оспариваются. Это ихъ заявление — котораго мы не могли добиться въ Лондонѣ — послужило прекраснымъ вступлениемъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ.

«Болѣе яркія иллюстраціи непримиримости, болѣе выдающіеся примѣры «яблоко раздора», можно-бы, продолжалъ я, обнаружить въ другихъ районахъ Закавказья; но даже для самыхъ острыхъ территориальныхъ споровъ намѣчаются пути къ разрѣшенію! Что же касается Батума, то здѣсь признаніе суверенитета Грузии, при условіи прочнаго обезпеченія интересовъ соседей въ батумскомъ порту, является формулой для всѣхъ приемлею и могущей служить основаніемъ для соглашения».*)

Завязался обменъ мнѣній на эти темы, и съ общаго согласія рѣшено было немедленно заняться выдвинутыми мною вопросами о 1) Батумѣ и батумской области, въ связи съ экономическими интересами республикъ Закавказья и 2) о способахъ разрѣшенія территориальныхъ споровъ между этими республиками. Дѣло происходило во вторникъ: условлено было собраться тамъ-же у г. Ванситтарта, въ четвергъ утромъ, (т. е. 15 апрѣля) съ готовымъ уже результатомъ.

Просясь съ г. В., я говорилъ ему объ элементахъ согла-

*) Какъ замѣтилъ тогда попутно г. Ванситтартъ, на признаніе суверенитета Грузии въ Батумѣ — очень мало шансовъ.

сія, готовыхъ скристаллизоваться на Кавказѣ—какъ онъ самъ могъ то видѣть — о необходимости помочь этому процессу — о томъ, какъ благодарна и какъ интересна его лично рѣчь въ этомъ дѣлѣ.

Немедленно приступлено было къ обсужденію обоихъ вышеизложенныхъ вопросовъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ трехъ делегаций (преимущественно у насъ). Съ самаго начала возникли затрудненія при выясненіи тѣхъ гарантій, которыя должны быть предоставлены въ Батумѣ соседямъ Грузии, особенно Армении. Въ виду этого, мы перешли ко второму вопросу (объ арбитражѣ), съ тою, однако, оговоркою, что ни порядокъ, ни тѣсная внутренняя связь вопросовъ этимъ не измѣняются и не нарушаются.

Основую обсужденія служили какъ по первому, такъ и по второму предмету составленные мною проекты. Проектъ о порядкѣ разрѣшенія территориальныхъ споровъ путемъ арбитража подвергся систематическому обсужденію; разногласія удалось здѣсь, наконецъ, преодолѣть, и соглашеніе было достигнуто.

Что же касается вопроса о Батумѣ, то несмотря на перенесеніе условленнаго свиданія съ великобританскимъ делегатомъ, съ четверга на пятницу (16 апрѣля, день отъѣзда англійской делегации въ С. Ремо), делегации наши не успѣли ни обсудить полностью мой проектъ, ни сгладить возникшія противорѣчія.

Принято было вступленіе, § о признаніи суверенитета Грузии надъ батумской областью, § о признаніи этого суверенитета надъ Батумомъ при условіи обезпеченія интересовъ Армении и Азербайджана. Формулировка-же этихъ гарантій вызвала разногласія. Во-первыхъ, мы по существу не могли согласиться съ нѣкоторыми изъ требованій, изложенныхъ по этому вопросу отъ имени армянъ Габриель-эффенди *Нарадунгяномъ* *) въ пяти пунктахъ (а именно, съ предоставленіемъ Армении части батумскаго порта, и съ признаніемъ этой части, а также полосы отчужденія армянской желѣзнодорожной

*) Многоопытный турецкій законоискусникъ, редакторъ извѣстнаго собранія трактатовъ, заключенныхъ Оттоманскою Имперіею, онъ до войны 1914-18 г. занималъ высшіе посты въ турецкой администраціи. Былъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

вѣтви къ Батуму — экстерриториальными). Во вторыхъ, мы съ самаго начала указывали на предпочтительность соглашенія принципиальнаго, декларативнаго, съ тѣмъ, чтобы техническія подробности были обсуждены позже, при заключеніи, на основѣ принятыхъ началъ, специальныхъ соглашеній и конвенцій. Я придавалъ этому особое значеніе, вслѣдствіе спѣшности и срочности нашихъ переговоровъ, цѣль которыхъ заключалась въ *немедленной демонстраціи передъ Верховнымъ Совѣтомъ нашего согласія*. Вдобавокъ, обсужденіе сколько-нибудь специальныхъ вопросовъ крайне затруднялось и тяжеловѣсностью нашей процедуры (въ обсужденіяхъ участвовали всѣ члены трехъ делегаций, откуда многолюдность, разноязычность, сумбурность!) и недостаткомъ времени, и неопытностью въ дѣлахъ большинства участниковъ.

Такъ какъ указанное выше разногласіе и къ пятницѣ (16 апрѣля) оказалось неустранимымъ, то, при свиданіи нашемъ въ этотъ день съ г. Ванситтартомъ, мы поставили его въ извѣстность о достигнутомъ уже соглашеніи (относительно порядка разрѣшенія территориальныхъ споровъ) и о разногласіи нашемъ — по вопросу о «гарантіяхъ» въ Батумѣ. Богосъ-Нубаръ первымъ изложилъ вопросъ, какъ онъ рисовался съ армянской точки зрѣнія, затѣмъ мною подробно освѣщено было положеніе переговоровъ и указано на достигнутое уже принципиальное согласіе трехъ делегаций и по вопросу объ отнесеніи Батума съ областью къ Грузіи, и по общему вопросу о гарантіяхъ для сосѣдей — а также выдвигалась необходимость дать всему нашему соглашенію, въ настоящій моментъ, именно общій, декларативный, не технической характеръ.

Представитель великобританскаго правительства выразилъ радость по поводу состоявшагося соглашенія объ обязательномъ арбитражѣ и еще разъ напомнилъ намъ, что всякое доказательство способности нашей къ компромиссамъ и взаимнымъ уступкамъ даетъ друзьямъ нашимъ въ Верховномъ Совѣтѣ возможность отстаивать интересы нашей независимости. «Неужели вамъ не ясно, говорилъ онъ, что, на примѣръ, доставка вамъ оружія и военныхъ припасовъ*) затормазилась именно изъ-за вашихъ несогласій; изъ-за опасенія, что оружіе это послужитъ вамъ въ вашихъ взаимныхъ распряхъ? Наоборотъ, соглашеніе между вами принесетъ вамъ много плодовъ.

*) Общѣнная еще въ январѣ 1920 г.

Грузинамъ, особенно, надлежитъ показать примѣръ уступчивости и либерализма при обезпеченіи насущныхъ интересовъ сосѣдей, такъ какъ безъ этого не можетъ быть осуществлено стремленіе ихъ къ суверенитету надъ Батумомъ и его областью».

Въ отвѣтъ на это заявленіе, я прочелъ, составленную мною для грузинской делегации, ею одобренную, схему соглашенія по вопросу о Батумѣ, и г. Ванситтартъ нашелъ ее именно тѣмъ, что требовалось; онъ настойчиво совѣтовалъ намъ притти къ соглашенію на этой именно основѣ. По его мнѣнію, нѣтъ дѣйствительно никакой надобности въ болѣе точномъ опредѣленіи правъ, которыя должны быть предоставлены Арменіи въ Батумѣ, ибо вопросы этого порядка будутъ разрѣшены къ выгодѣ и удобству всѣхъ закавказскихъ республикъ тѣмъ режимомъ «свободнаго порта», который во всякомъ случаѣ рѣшено примѣнить къ Батуму. Отъ себя лично уполномоченный лорда Керзона прибавилъ совѣтъ: возбудить передъ Лигою Націй вопросъ о созданіи въ Батумѣ должности портового инспектора (назначаемаго Лигою), наблюдающаго за правильнымъ примѣненіемъ международныхъ порядковъ въ порту, а также установить обязательный арбитражъ для всѣхъ случаевъ разногласій при осуществленіи нашего соглашенія.*) А главное, г. Ванситтартъ предупредилъ насъ о возможности обсужденія касающихся насъ вопросовъ Верховнымъ Совѣтомъ въ первомъ же его засѣданіи въ С. Ремо и просилъ, чтобы соглашеніе наше, скрѣпленное надлежащими подписями, было получено великобританскою делегациею въ С. Ремо не позже вторника, т. е. 20-го апрѣля. Слѣдующая наша встрѣча должна была состояться уже въ С. Ремо

Въ тотъ-же день (т. е. 16 апрѣля) делегаты встрѣтились снова, въ этотъ разъ у Богосъ-Нубаръ-паши, на Avenue Président Wilson.***) Мы занялись сначала окончательнымъ редактированіемъ соглашенія объ арбитражѣ и закончили эту работу. Затѣмъ перешли къ проекту соглашенія о Батумѣ. Б. Нубаръ-паша записалъ его тутъ-же подъ мою диктовку: въ виду крайней спѣшности работы, у меня даже не имѣлось копій этого проекта, въ который теперь вошли статьи о международномъ инспекторѣ, объ арбитражѣ, а также о допущеніи,

*) Идеи эти высказывались нами еще раньше.

**) Здѣсь были: Б. Нубаръ, Агаронянъ, Чхеидзе, Топчиба-шевъ, Нарадунганъ и я.

въ принципѣ, *особой желѣзнодорожной связи Батума съ армянскою рельсовою системою*. Последнее соответствовало не только требованіямъ армянъ, но и нашимъ собственнымъ заявленіямъ въ Лондонѣ (см. стр. 259).

Разногласіе съ армянами обнаружилось, однако, уже по поводу ст. 1-ой, гласившей о поддержкѣ армянами и азербайджанцами идеи суверенитета Грузіи надъ «Батумскою областью, въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго». Ссылаясь на то, что они всегда разумѣли подъ «Батумскою областью», подлежащей передачѣ Грузіи, территорію до р. Чороха (Нубаръ-паша, дѣйствительно, высказывался какъ-то въ этомъ смыслѣ), армяне заявили, что, признавая суверенитетъ Грузіи въ Батумѣ и его области, они должны будутъ сдѣлать *оговорку* въ томъ смыслѣ, что границею между Арменіею и Грузіею должна служить р. Чорохъ. Съ нашей стороны заявлено было о недопустимости для насъ и разговора объ уступкѣ Арменіи лѣваго берега Чорбха. Всѣ старанія устранить это разногласіе оказались, въ этомъ засѣданіи, безуспѣшными. Становилось очевиднымъ, что соглашеніе наше не можетъ быть выработано до Санъ-Ремо, куда мы обѣщали привезти его готовымъ и подписаннымъ!

На слѣдующій день (17-го апрѣля), я старался склонить грузинскую делегацію къ признанію армянской оговорки о лѣвомъ берегѣ Чороха, при всей ея досадности и неумѣстности, обстоятельствомъ, не препятствующимъ дальнѣйшему разсмотрѣнію нашего проекта. Оговорка эта — поясняя я — не означаетъ признанія нами правъ Арменіи на часть батумской территоріи. Напротивъ, армяне вносятъ ее именно потому что двѣ другія делегаціи одинаково относятъ къ Грузіи и правый и лѣвый берегъ Чороха. Наконецъ, подписывая соглашеніе, мы одновременно объяснимъ Верховному Совѣту, что настаиваемъ на присоединеніи всей области къ Грузіи (какъ объ этомъ, впрочемъ, нами заявлялось уже въ Лондонѣ). Практическое значеніе вопросъ получилъ-бы при выясненіи армяно-грузинской границы у Чернаго моря — и разрѣшился бы путемъ арбитража.

Однако, члены грузинской делегаціи находили, что армянская «оговорка» можетъ создать впечатлѣніе, будто мы, такъ или иначе, не противимся уступкѣ Арменіи лѣваго берега Чороха (въ Батумской области)! Разубѣдить ихъ въ этомъ заблужденіи не было ни малѣйшей возможности! Пришлось

поэтому сдѣлать имъ другое предложеніе, а именно: чтобы въ текстѣ соглашенія выраженіе «Батумская область въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго» было замѣнено словами «территорія, прилегающая къ Батуму». Въ этомъ случаѣ (казалось мнѣ) армянамъ не будетъ нужды въ ихъ «оговоркѣ», имѣвшей, кстати, опору въ февральскомъ предположеніи (см. выше) Верховнаго Совѣта (въ Лондонѣ) — о расчлененіи Батумской области и присоединеніи къ Арменіи какъ разъ лѣваго берега Чороха!

Это предложеніе делегаціей было одобрено. Но продолжитъ обсужденіе проекта, дабы притти еще въ Парижѣ къ соглашенію — политическое значеніе и срочность котораго многими изъ насъ недостаточно понимались — оказалось уже невозможнымъ: делегаціи закавказскихъ республикъ должны были выбираться изъ Парижа въ С. Ремо.

82.

Переговоры между тремя делегаціями, при участіи г-на Ванситартъ, возобновились въ С.Ремо, куда мы приѣхали вечеромъ во вторникъ 20-го апрѣля. Изъ официальныхъ сообщеній мы освѣдомились, что Верховный Совѣтъ въ это время уже занимался, между прочимъ, и вопросомъ о Батумѣ.

Совѣщаніе делегацій съ представителемъ англійскаго правительства было назначено на вечеръ 21-го апрѣля. Днемъ мы продолжали препирательство относительно армянской оговорки о лѣвомъ берегѣ Чороха. Сдѣлана была попытка избѣгнуть разногласія посредствомъ отказа отъ точнаго описанія территориальнаго состава Батумской области (ср. выше). Мы указывали армянамъ на неожиданность и необоснованность ихъ новаго территориальнаго требованія. Несмотря на ихъ возраженія, видно было, однако, что на требованіи этомъ они не будутъ особенно настаивать, и что центръ вниманія ихъ лежитъ теперь въ вопросѣ о гарантіяхъ желѣзнодорожнаго выхода для Арменіи къ Батуму (черезъ Батумскую область). Въ этомъ засѣданіи Чхеидзе, неожиданно для меня, началъ отстаивать такую формулировку этихъ гарантій, которая подразумевала бы организацію выхода Арменіи къ Черному морю въ видѣ простого пользованія уже существующей линіей Карсъ-(Эривань)-Тифлисъ-Батумъ, т. е. безъ сооруженія особой желѣзной дороги изъ Арменіи къ Батуму черезъ нижній Чорохъ. Съ этимъ армяне оче-

видно не могли примириться; а внутри грузинской делегации много указывалось, что въ принципѣ, сооруженіе *особаго* рельсового пути для соединенія Арменіи съ Чернымъ моремъ уже допущено было нами въ Лондонѣ (ср. выше стр. 259) и не опровергается въ позднѣйшихъ свиданіяхъ съ армянами въ Парижѣ*). А главное—особый *свой* выходъ къ морю былъ уже обѣщанъ Арменіи В. Совѣтомъ!

Совѣщеніе съ г. Ванситтартомъ состоялось поздно вечеромъ, въ Royal Hotel, у г. Богосъ - Нубара. Ванситтартъ повторилъ кое-что изъ сказаннаго имъ въ Парижѣ и сообщилъ, что, какъ онъ того ожидалъ и какъ онъ насъ о томъ предупредилъ, Верховный Совѣтъ съ самага-же начала занялся вопросами, касающимися нашихъ республикъ. Вопреки обѣщанія, мы не доставили ему ко вторнику (20 апр.) текста подписанныхъ соглашеній. Онъ будетъ говорить совершенно откровенно. *Если соглашеніе между закавказскими республиками не послѣдуетъ теперь-же, когда Верховный Совѣтъ его ожидаетъ, то за послѣдствія будемъ отвѣчать мы сами.* Наша согласованная дружная дѣятельность необходима особенно въ данный моментъ, когда намъ угрожаетъ опасность съ сѣвера. Каждая минута дорога: пройдетъ немного времени, и Верховному Совѣту будетъ уже не до насъ!

«Правда,—продолжалъ г. Ванситтартъ, я не имѣю самъ полномочія рѣшать вопросы: но полагаю, что пользуюсь довѣріемъ моихъ начальниковъ, и что мнѣніе мое для нихъ не безразлично. И вотъ, если теперь здѣсь-же не осуществится то, о чемъ я стараюсь, мнѣ придется признать свое безсиліе и просить объ освобожденіи меня отъ возложенной на меня задачи. Я-же умою руки и отойду въ сторону...

Вамъ извѣстно вѣроятно, что въ свое время Верховный Совѣтъ одобрилъ планъ такого разрѣшенія Батумскаго вопроса, по которому Батумъ съ нѣкоторою зоною подлежалъ нейтрализаціи, часть области отходила къ Арменіи, и лишь остальная треть присоединялась къ Грузіи. Я лично этотъ планъ находилъ несправедливымъ, неправильнымъ; и если теперь окажется возможнымъ примирить суверенитетъ Грузіи надъ *всей* областью и городомъ съ интересами сосѣдей Грузіи, то я берусь привлечь вниманіе Верховнаго Совѣта къ этому ново-

*) Не говоря о томъ, что сооруженіе линіи Карсъ-Батумъ представлялось и вообще во всѣхъ отношеніяхъ желательнымъ и по отношенію къ Арменіи — справедливымъ.

му плану. Я надѣюсь, что планъ этотъ получить одобреніе. Грузія особенно въ этомъ заинтересована, ибо она въ этомъ случаѣ особенно много выиграетъ...

Я скажу прямо: я не способенъ понять, я рѣшительно отказываюсь понять, почему до сихъ поръ еще нѣтъ между вами соглашенія по вопросу столь простому, столь очевидному! Въ чемъ дѣло? почему не желаете вы придти къ компромиссу, когда результаты его должны быть для васъ столь цѣнны и благоприятны? Еще одинъ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ съ такимъ совѣтомъ — вѣрьте, что онъ продиктованъ дружбой!

Мы обѣщали... «приложить старанія» къ тому, чтобы соглашеніе состоялось — и разошлись.

22-го апрѣля грузинская делегация одобрила мой проектъ основныхъ положеній о пресловутой желѣзнодорожной связи Арменіи съ Батумомъ (вопросъ этотъ, какъ указано выше, получалъ теперь особое значеніе). На случай-же, еслибы проектъ этотъ вызвалъ затрудненія, заготовлена была мною и совершенно краткая, чисто принципиальная формулировка относительно этой дороги.

Общее засѣданіе трехъ делегаций собралось затѣмъ, у азербайджанцевъ, и приступило къ обсужденію предложеннаго текста, по которому даны были всѣ нужныя разъясненія. Армяне теперь уже не требовали «лѣваго берега Чороха» — помимо неосновательности этого притязанія, они видѣли, что идея «дробленія» батумской области уже успѣла увянуть и едва-ли будетъ кѣмъ-либо поддержана въ Верховномъ Совѣтѣ — съ грузинской-же стороны допущено было, на этотъ разъ безъ обиняковъ, сооруженіе Арменіею желѣзной дороги къ Батуму, въ долину Чороха. Препирательство сосредоточилось на вопросѣ о «суверенитетѣ» въ полосѣ отчужденія. Послѣ данныхъ объясненій, что рѣчь идетъ о юрисдикціи гражданской и уголовной, о полиціи и т. д., армяне согласились, наконецъ, — послѣ продолжительныхъ преній — на сохраненіе суверенитета Грузіи въ полосѣ отчужденія. Соотвѣтствующая поправка была внесена г. Нарадунганомъ, въ предлагавшуюся ими формулировку.

Съ тѣмъ большимъ упорствомъ требовали они прямого указанія въ текстѣ, что *право собственности* на желѣзную дорогу, на полотно, принадлежности и т. д., предоставляется Арменіи. Споръ осложнился еще въ виду заявленнаго армянами требованія, чтобы право сооруженія желѣзной дороги въ

льготныхъ условіяхъ, на грузинской территоріи, простиралось также на отвѣтвленіе въ сторону того пункта на Лазистанскомъ побережьи (вѣроятно, Ризе), гдѣ Арменія будетъ имѣть свой *собственный портъ*. Это требованіе вызвало реплику, что переговоры велись о соединеніи Арменіи съ Батумомъ, что рѣчь шла объ одномъ выходѣ въ море, а не о двухъ и т. д. Чхеидзе заявилъ категорически, что изложенное въ представленномъ нами проектѣ есть максимумъ того, на что Грузія можетъ идти. Соглашеніе не состоялось.

Вечеромъ того-же дня (т. е. 22-го апрѣля) мы опять встрѣтились съ г. Ванситтартомъ и изложили ему наши разногласія. Онъ былъ въ полномъ отчаяніи и отказывался вообще понять образъ дѣйствій делегаций. Неужели-же онъ не видитъ, какъ онъ самъ себѣ вредятъ? Почему грузины не соглашаются принести небольшую жертву, разъ они такъ много выигрываютъ — сравнительно съ первоначальнымъ планомъ В. Совѣта объ устройствѣ Батума? «Правда, Грузія должна будетъ согласиться на примѣненіе къ Батуму режима свободнаго порта — который, кстаті, полностью обезпечитъ интересы Азербайджана въ Батумѣ; вѣрьте мнѣ, что регламентъ этотъ будетъ для всѣхъ приемлемъ!» — г. Ванситтартъ тутъ-же познакомилъ насъ съ положеніемъ о портахъ международнаго значенія, вошедшимъ затѣмъ въ Севрскій договоръ*). — «Остается вопросъ о желѣзной дорогѣ. У васъ два текста, грузинскій и армянскій: пусть армяне скажутъ, съ чѣмъ они не согласны въ грузинскомъ текстѣ, и наоборотъ. Постараемся эти тексты согласовать». Что могло быть проще и разумнѣе этого предложенія? Оно, конечно, не было принято. Господа делегаты предпочли возобновить никому не нужныя пренія, тянувшіяся далеко за полночь — о терминахъ и предметахъ, многимъ изъ нихъ недостаточно ясныхъ.

Стремясь извлечь делегации изъ трясины, въ которой онѣ безнадежно увязли — при отсутствіи между ними сколько-нибудь существеннаго разногласія, я предложилъ, въ качествѣ основы обсужденія, совершенно несложный текстъ, заключавшій слѣдующее поясненіе пункта о гарантіяхъ, предоставляемыхъ сосѣдямъ Грузіи въ Батумѣ (въ остальномъ, пунктъ этотъ споровъ не вызывалъ):

«При семъ подразумѣвается, что вышеупомянутыя гарантіи обнимаютъ также сооруженіе, заботами армянскаго пра-

*) Ст. 335-345.

вительства, безъ ущерба для суверенитета Грузіи, желѣзной дороги, соединяющей армянскую рельсовую сѣть съ Батумомъ, по грузинской территоріи, въ предѣлахъ Батумской области».

Г. Ванситтартъ настоятельно рекомендовалъ председателямъ делегаций (г. г. Агароняну и Чхеидзе — разногласіе было между ними) придти къ соглашенію на этомъ текстѣ. Въ виду же обнаруженныхъ раньше разногласій и въ поискахъ цѣлебнаго средства противъ грядущихъ пререканій, рѣшено было, съ общаго согласія, дополнить предложенный текстъ указаніемъ на обязательное обращеніе къ Лигѣ Націй въ случаяхъ споровъ и разногласій относительно желѣзной дороги*).

Теперь армяне просили лишь о томъ, чтобы въ текстѣ упомянуто было о *принадлежности имъ желѣзной дороги въ полную собственность*. Только при этомъ условіи соглашались они на сохраненіе въ текстѣ ссылки на суверенитетъ Грузіи. Хотя указаніе на «полную собственность» (en toute propriété) ничѣмъ не увеличивало объема правъ и безъ этого предоставляемыхъ Арменіи, и, слѣдовательно, безъ этого указанія легко можно было обойтись, однако, разъ армяне настаивали на этой поправкѣ, не было — такъ казалось мнѣ — ни малѣйшаго основанія отказывать армянской делегации въ прибавленіи этихъ словъ («на правѣ полной собственности») къ предложенному мною тексту. Однако, Н. Чхеидзе (полномочнымъ лицомъ былъ онъ одинъ) объявилъ, что въ предложенномъ текстѣ онъ не допускаетъ ни малѣйшаго измѣненія.

Послѣ этого, великобританскій представитель заявилъ, что отнынѣ усилія его исчерпаны, онъ умываетъ руки и отходитъ отъ этого дѣла.

Совѣщаніе это закончилось поздно ночью. Какъ ни печально было мнѣ видѣть и признать теперь тщету и бесплод-

*) Съ этой цѣлью былъ тутъ же составленъ и всѣми одобренъ слѣдующій пунктъ: «въ случаѣ, если между двумя правительствами не послѣдуетъ соглашенія относительно трассы желѣзной дороги или условій ея эксплуатаціи, вопросы эти будутъ разрѣшены на мѣстѣ комиссіею по назначенію Лиги Націй. Равнымъ образомъ всякій споръ, могущій возникнуть по поводу примѣненія или истолкованія настоящаго соглашенія во всемъ его объемѣ, подлежитъ разрѣшенію арбитражной комиссіи, назначаемой Лигою Націй».

ность всѣхъ моихъ многообразныхъ и неустанныхъ усилій*), какъ ни ясно представилась мнѣ вся безповоротность и жуткость допущенной тогда нашими делегациями ошибки, нельзя было не зарисовать мысленно трагикомической заключительной сцены этихъ — рѣдкихъ по безтолковости — переговоровъ, въ которыхъ мнимые профессиональные «политики» неспособные, однако, оцѣнить именно политическое значеніе момента, путались, безнадежно и бесплодно, въ препирательствахъ о словахъ и выраженіяхъ, не понимая дѣйствительнаго ихъ значенія.

Въ центрѣ этой сцены г. Ванситтартъ, повторяющій жестъ Понтія Пилата, съ лицомъ, выражающимъ недоумѣніе, утомленіе и скуку, при видѣ этой дюжины господъ въ смокингахъ, изъ за трехъ — совершенно лишнихъ, но и безвредныхъ словъ — *en toute propriété* — неспособныхъ согласиться по вопросу — по существу котораго у нихъ уже давно нѣтъ разногласій! Рядомъ съ нимъ Чхеидзе, съ закинутой назадъ головой, съ глазами выходящими изъ орбитъ, и лицомъ, налитымъ кровью — разъяренный не вполнѣ для него уловимымъ мельканіемъ французскихъ текстовъ, формулъ — потерявшій всякое хладнокровіе и сдержанность, въ позѣ захоластнаго шляхтича, срывающаго важное рѣшеніе Сейма! Противъ него Агаронянъ: онъ несокрушимо добивается своей «полной собственности», и всѣ тѣни Араарата сгущаются на его лицѣ. Въ углу комнаты Нубаръ-паша, въ полномъ изнеможеніи, съ выраженіемъ безысходнаго отчаянія на лицѣ: у него подкашиваются, отъ усталости, ноги и ему некуда отступить, некуда спастись отъ вулканическаго натиска Юсифа Гобечіа, грузинскаго делегата (с.-р.) — объясняющаго знатному египтянину значеніе народной воли въ дѣлахъ международныхъ. Глаза Гобечіа извергаютъ молніи, а полусѣдая шевелюра его вся устремилась вверхъ и въ стороны. — Азербайджанцы, чинные и безмолвные, лицедрѣютъ съ выдержкою настоящихъ мусульманъ эту бурю. Цѣлый рядъ масокъ, по различному выражающихъ непониманіе происходящаго, дополняетъ сцену.

Въ субботу, 24-го апрѣля, делегации Грузіи, Арменіи и Азербайджана приглашены были въ Hotel Royal къ г. Вансит-

*) Нельзя же всего было то, что въ С.-Ремо грузинская делегация отвергла какъ разъ то, что, отъ имени Грузіи, отстаивалось и испрашивалось систематически съ конца 1918 г. въ Лондонѣ и Парижѣ.

тарту. Свиданіе соотоялось въ 10½ часовъ вечера. Присутствующие выслушали слѣдующее заявленіе британскаго представителя:

«Я прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы между вами состоялось соглашеніе, чтобы объ этомъ можно было своевременно доложить Верховному Совѣту. Мои дружескіе совѣты не имѣли успѣха, и мнѣ даже пришлось, умывъ руки, отойти въ сторону. Въ настоящее время, какъ это мнѣ ни тягостно, я вынужденъ заявить, отъ имени лорда Керзона, дружбу котораго къ вашимъ странамъ вы знаете, и который такъ содѣйствовалъ въ январѣ вашему признанію *de facto*, что соглашеніе относительно предоставленія въ полную собственность Арменіи желѣзной дороги черезъ Батумскую область, съ отвѣтственіемъ къ западу, должно быть, по его убѣжденію, подписано; и что если это не будетъ сдѣлано нынѣ-же, то за послѣдствія должны будете отвѣчать вы сами. Я зываю въ данномъ случаѣ къ грузинской делегации.

То, что я вамъ высказываю, является взглядомъ британскаго правительства, но я думаю, что на его точку зрѣнія станетъ и Верховный Совѣтъ. Теперь я васъ покидаю, а остальное зависитъ отъ васъ самихъ».

Условились собраться на слѣдующее утро, по предложенію Богосъ-Нубара, въ помѣщеніи азербайджанской делегации.

Общее собраніе это назначенное на 11 час. въ воскресенье 25 апрѣля, пришлось отложить до 4-хъ часовъ. Утромъ-же мы совѣщались съ азербайджанцами. До «общаго собранія», въ засѣданіи грузинской делегации, мною была сдѣлана послѣдняя попытка убѣдить Чхеидзе въ необходимости подписать соглашеніе съ армянами, ради огражденія интересовъ Грузіи. Несмотря на всѣ примѣненныя мною, съ крайней энергіей, средства моральнаго давленія, Чхеидзе окончательно рѣшилъ не измѣнять ни іоты въ принятомъ нами текстѣ, и ждать дальнѣйшихъ инструкцій изъ Тифлиса. Въ пагубномъ упорствѣ своемъ, Чхеидзе былъ поддержанъ всѣми остальными членами грузинской делегации*).

Вслѣдъ за-тѣмъ состоялось послѣднее свиданіе трехъ делегаций въ С. Ремо. Оно протекло въ спокойномъ, дружескомъ тонѣ. Чхеидзе заявилъ о готовности немедленно подписать соглашеніе на принятыхъ имъ раньше основаніяхъ, по пун-

*) Т. е. д-ромъ Гварджаладзе, Гобечіа и генераломъ Одишелидзе.

ктамъ же вызывавшимъ разногласіе («полная собственность» и «отвѣтвленіе къ западу») требовалъ, чтобы ему дали возможность снести съ грузинскимъ правительствомъ, отправивъ, на примѣръ, кого-либо изъ членовъ делегаціи въ Тифлисъ. Все это не представляло ни малѣйшаго интереса, такъ какъ политическая задача «момента» заключалась не въ томъ, что и какъ говорится въ соглашеніи о желѣзной дорогѣ (вдобавокъ, совершенно проблематической!), а въ обнаруженіи передъ Верховнымъ Совѣтомъ солидарности Закавказскихъ республикъ — и именно теперь, а не когда Чхеидзе получить изъ Тифлиса отвѣтъ на свои недоумѣнные вопросы!*)

Словомъ, соглашеніе не могло быть подписано, и все, что затѣмъ говорилось въ этомъ совѣщаніи, не могло измѣнить этого обстоятельства. Армяне, увѣренные тогда еще въ окончательномъ расчлененіи Турціи (на бумагѣ оно, несомнѣнно, подготовлялось), и безъ огорченія видѣвшіе, какъ Чхеидзе (интернационалистъ! социалистъ! демократъ!) создавалъ Грузіи репутацию несговорчивости и узколюбія, не понимали, однако, что неподписаніе ожидавшагося соглашенія неминуемо влекло за собой охлажденіе, незаинтересованность Англии въ дѣлахъ Закавказья, а слѣдовательно и Арменіи.

Нарадунганъ продолжалъ отвлеченную критику «допотопнаго» понятія суверенитета, на которомъ напрасно настаиваетъ грузинская делегація. Я отвѣтилъ ему, что армянская делегація, не остается въ долгу, со своею не менѣе допотопною «полною собственностью». Онъ говорилъ, впрочемъ, объ искреннемъ своемъ огорченіи въ виду несостоявшагося

*) Въ теченіе всего этого времени я старался склонить Н. Чхеидзе къ большей уступчивости, убѣждая его въ томъ, что разъ нами уже изъявлено согласіе на сооруженіе Арменіей желѣзной дороги, въ опредѣленныхъ условіяхъ и съ международной санкціей, то споръ о «собственности» утрачиваетъ значеніе.

Въ пятницу, 23 апрѣля, мы представили, совмѣстно съ азербайджанской делегаціей, Верховному Совѣту письменное изложеніе всего хода нашихъ переговоровъ, дабы видна была наша готовность сдѣлать все въ дѣлѣ «выхода къ морю». Разуздѣтся, такой, чисто бумажный шагъ не могъ имѣть ни малѣйшаго практическаго значенія. Въ частныхъ нашихъ бесѣдахъ въ грузинской делегаціи мои соображенія о рискѣ, которому подвергается наше дѣло чрезмѣрной несговорчивостью, о рискѣ тѣмъ менѣе допустимомъ, что разногласіе съ армянами теперь совершенно пустячно — сталкивались съ безпомощною тезою Чхеидзе (что скажетъ грузинское правительство? что скажетъ населеніе Батумской области? не найдутъ-ли они, что ихъ «продали армянамъ?»).

соглашенія, тѣмъ болѣе, что у него, говорилъ онъ, былъ въ карманѣ готовый уже проектъ союзнаго договора между Арменіей и ея двумя сосѣдями.

Богосъ-Нубаръ счелъ нужнымъ заявить, что теперь имъ придется вернуться къ прежнему требованію лѣваго берега Чороха. («На что онъ вамъ? этотъ берегъ скалистъ, каменистъ — замѣтилъ я строителю Геліополиса»).

Чхеидзе объявилъ, что какъ ни великъ авторитетъ лорда Керзона, Верховнаго Совѣта и т. д., но намъ приходится считаться съ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, съ желаніями

мѣстнаго населенія и т. д. Эта несчастная ссылка дала поводъ Топчибашеву загворить о необходимости для Грузіи прислушиваться къ мнѣнію мусульманскаго населенія Батумской области, представленному тамошнимъ *меджлисомъ*. (Агароньянъ: «Это совершенная новость для насъ»).

Поэтъ Аршакъ Чобанянъ приглашалъ всѣхъ насъ къ дружбѣ, солидарности и доброму сосѣдству, не взирая на нынѣшнее разногласіе, не взирая ни на что.

Гобечія, съ обычною пламенностью, говорилъ о шаткости, гадательности постановленій Верховнаго Совѣта, о стихійности народныхъ движеній и первенствующемъ значеніи именно народной воли. (Агароньянъ: «зачѣмъ вы не считались съ народной волей въ Лори, въ Ахалкалаки?»).

Было очевидно, что переговоры наши исчерпались. Ни одно изъ приготовленныхъ мною двухъ соглашеній (о Батумѣ и желѣзной дорогѣ; о разрѣшеніи територіальныхъ споровъ) не было подписано.

«Чхеидзе боится взять на себя отвѣтственность, и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Надо эти чувства уважать» — сказала мнѣ частнымъ образомъ Нарадунганъ, очень снисходительно оцѣнивая немощи б. предсѣдателя Совѣта Р. и С. депутатовъ. Засѣданіе закончилось, мы пожали другъ другу руки и разошлись вполне дружелюбно.

Въ понедѣльникъ, 26 апрѣля (это былъ послѣдній день конференціи въ Санъ-Ремо), приѣхалъ изъ Рима товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Грузіи К. Сабахтарашвили, который возвращался теперь въ Тифлисъ и заѣхалъ въ Санъ-Ремо для полученія свѣдѣній о результатахъ нашихъ переговоровъ. Я тщетно старался внушить этому молодому человеку тревогу, вызванную во мнѣ происшедшимъ. Впрочемъ, онъ

немедленно уѣхалъ, съ тѣмъ чтобы продолжать свой путь обратно въ Грузію, вмѣстѣ съ Иракліемъ Церетели, укрѣпившимъ въ это время связи грузинскаго пролетаріата съ итальянскимъ и также отправлявшимся на время въ Тифлисъ.

Что касается кавказскаго перешейка, дѣло Москвы и Ангоры было выиграно.

83.

Такимъ образомъ, безуспѣшной оказалась эта первая и, въ сущности, *единственная* попытка державъ Западной Европы серьезно поставить на очередь вопросъ о государственной и международной будущности Закавказскихъ республикъ и разрѣшить его на основѣ ихъ независимости.

Попытаемся изложить въ связномъ видѣ основанія намѣтившейся было тогда политики.

Мысль о необходимости укрѣпленія закавказскихъ государственныхъ новообразованій, выдвинутая, какъ мы видѣли, въ январѣ 1920 года, лишь теперь, въ С. Ремо, получала болѣе обдуманную, осязательную форму..

Помощь Грузіи, Азербайджану и Арменіи, особенно для обезпеченія ихъ обороноспособности, на случай нападенія извнѣ, можетъ быть оказана лишь въ случаѣ прочнаго мира и солидарности между ними: таково коренное положеніе, выдвигаемое «империалистическимъ» Западомъ; и положеніе это остается неизмѣннымъ, идетъ ли рѣчь о фронтѣ Закавказья, обращенномъ къ *сѣверу* (такъ было въ январѣ 1920 г. въ Парижѣ см. выше гл. XXIX), или же, какъ теперь въ С. Ремо, получаетъ очередное (въ глазахъ державъ, подготовляющихъ условія мира съ Турціей) значеніе фронтъ Закавказья, обращенный *на юго-западъ*, въ сторону Анатолиі.

Но и здѣсь, какъ и раньше, имѣется въ виду лишь укрѣпленіе существующаго.

Вопросъ о границахъ Арменіи съ Турціей остается пока открытымъ. Тѣмъ больше вниманія привлекаютъ взаимоотношенія между Арменіей и сосѣдними республиками въ Закавказьи; съ чѣмъ связаны, однако, и международные интересы болѣе общаго значенія.

Арменія не можетъ быть отрѣзана отъ моря. Доступъ къ нему она должна имѣть, на первыхъ порахъ, въ Батумѣ; и

портъ этотъ — естественная принадлежность Грузіи, въ то же время столь важный и для Азербайджана, дѣлается какъ-бы символомъ единенія трехъ республикъ. Это не все. Батумъ — отправной пунктъ свободнаго транзита изъ Европы въ Персію и обратно. Ему предстоитъ огромная политическая и коммерческая будущность. Здѣсь именно будетъ соединительное звено этой части Ближняго Востока съ державами Запада; и международные интересы, связанные съ Батумомъ, могутъ и должны быть ограждаемы при посредствѣ Лиги Націй.

Армяно-турецкая граница скоро будетъ установлена: дѣломъ, преимущественно, самихъ армянъ съ помощью Запада будетъ прочное занятіе тѣхъ территорій, которыя имъ будутъ уступлены. Но и это — какъ выходъ Арменіи къ морю — возможно лишь при условіи мирныхъ, дружественныхъ взаимоотношеній въ самомъ Закавказьи.

Въ моментъ развязки турецкаго вопроса, близкій Стамбулу и Ангорѣ, Азербайджанъ получаетъ особое значеніе. Именно его сближеніе съ Арменіей и Грузіей — въ тройственномъ соглашеніи — закрѣпляло-бы «западную» оріентацію Азербайджана и обезпечивало-бы тылъ Арменіи при предстоящемъ выясненіи армяно-турецкой границы. «Западничество»-же Азербайджана было бы равнозначуще въ данныхъ условіяхъ его вѣрности и т. наз. *кавказской* оріентаціи (выраженной уже раньше договоромъ съ Грузіей 16 іюня 1919 г.) — въ противоположность совѣтско-турецкимъ соблазнамъ.

Конечно, положеніе, сложившееся на Кавказѣ, послѣ фактическаго признанія трехъ республикъ (въ началѣ 1920 г), не могло быть охранено или укрѣплено безъ установленія извѣстнаго мирнаго ихъ сосѣдства съ російскимъ совѣтскимъ государствомъ. Задача эта — полная рисковъ и трудностей — не должна была считаться абсолютно невыполнимой при оцѣнкѣ положенія въ апрѣлѣ 1920 г. Россіи приходилось тогда готовиться къ огромному напряженію въ борьбѣ за свою западную границу, при одновременной угрозѣ со стороны силъ ген. Врангеля на югѣ; между тѣмъ, какъ разъ въ это время она стала на путь переговоровъ съ Англійей о возобновленіи торговыхъ съ ней сношеній — послѣдняго московское правительство добивалось, по разнымъ основаніямъ, чрезвычайно настойчиво. Все это и, вдобавокъ, отличное отъ Франціи и болѣе благопріятное Россіи отношеніе къ русско-польскому «спору славянъ между собой» — создавало именно

англійскому правительству возможность, въ случаѣ осуществленія политики С. Ремо, оказать дипломатическое содѣйствіе къ установленію какого-либо *modus vivendi* между закавказскими республиками и Совѣтской Россіей.

Наличность-же въ Батумѣ фактической англійской базы несомнѣнно усиливала эту возможность. А предложеннымъ разрѣшеніемъ батумскаго вопроса достигалась-бы, въ принципѣ, возможность такого сотрудничества между западнымъ факторомъ и закавказскими республиками, при которомъ только и можно было вообще надѣяться на сохраненіе ими и на дальнѣйшее упроченіе ихъ независимости.

Однако, для этого отъ нихъ потребовалось-бы напряженіе всѣхъ ихъ силъ и, прежде всего, опредѣленная согласованность ихъ политики. Обнаруживъ-же въ С. Ремо — въ условіяхъ наиболѣе благоприятныхъ — неспособность къ такой согласованности, закавказскія республики сами отказались отъ того, что естественно вытекало изъ усилій ихъ, начиная съ 1918 года.

ГЛАВА XXXII.

УХОДЪ ЕВРОПЫ И ВОЗВРАЩЕНІЕ РОССІИ.

84.

Не успѣли закавказскія делегации вернуться изъ С. Ремо въ Парижъ, какъ получилось извѣстіе о паденіи азербайджанскаго правительства, провозглашеніи совѣтскаго строя въ Баку и вступленіи туда красныхъ войскъ. Произошло это 28 апрѣля 1920 г. Равновѣсіе вліяній, сложившееся на Кавказѣ съ конца 1918 года въ пользу «европейской оріентаціи», кореннымъ образомъ рушилось. Спекулируя на вялость великихъ державъ и на раздоры между тремя республиками, Совѣтская Россія рѣшительнымъ ударомъ — и, повидимому, безъ кровопролитія — заняла одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Закавказья (и вообще Ближняго Востока), обходя съ праваго фланга кавказскій барьеръ, подъ прикрытіемъ котораго только и могла строиться независимая государственная жизнь трехъ республикъ.

Захватъ Баку особенно облегчился той беззавѣтной яростью, съ какою, какъ разъ весною 1920 г., армяне и татары столкнулись изъ-за своихъ территоріальныхъ споровъ (въ Карабагѣ) — а также многочисленностью бакинскаго промышленнаго пролетаріата — и географическимъ положеніемъ нефтяной столицы на Каспійскомъ морѣ. Однако, эти обстоятельства имѣли, кажется, все-же меньше значенія, чѣмъ то массовое сочувствіе Азербайджана Турціи, которое было, въ общемъ, много сильнѣе и жизненнѣе его «европейской оріентаціи». Азербайджанъ сталъ какъ-бы живой связью между тѣми, кого исторія довольно неожиданно дѣлала теперь союзниками: между Россіей и Турціей.

Это не преувеличеніе: въ 1920 году, туркофильство Азербайджана — въ противоположность 1918 году — приняло форму... руссофильства: оно облегчило совѣтской власти захватъ Баку!

Въ предстоящемъ Турціи испытаніи — вѣдь она, эта Турція «большого народнаго собранія» бросала теперь вызовъ всѣмъ великимъ державамъ Запада — приходилось подчинять надежды завтрашняго дня злобѣ нынѣшняго и жертвовать близкими, но пока малосильными родичами ради далекихъ и случайныхъ, но дѣйственныхъ союзниковъ! Впрочемъ, «далекіе» дѣлались теперь близкими: занятіе Баку было вѣдь первымъ шагомъ къ установленію вновь непосредственнаго сосѣдства Россіи съ Турціей, взаимно другъ друга подкрѣплявшихъ въ борьбѣ съ Западомъ.

Политикъ кавказскаго средостѣнія или «буфернаго новообразованія» угрожалъ конецъ. Захватъ Баку, самъ по себѣ, еще этого конца не означалъ. Первоначальное положеніе, вѣроятно, могло-бы быть восстановлено, если-бы закавказскія республики были способны къ солидарной политикѣ, и если-бы громкія фразы различныхъ деклараций, соглашеній и пр. не прикрывали отсутствія прозорливости, твердости и патріотизма!

Грузино-азербайджанскій военный союзный договоръ оказался простымъ «клочкомъ бумаги». Соглашеніе армяно-азербайджанское конца 1919 г. о миролюбивомъ разграниченіи — тоже и т. д.

Въ сущности паденіе Баку и прискорбная развязка нашихъ переговоровъ въ С. Ремо были очевидными — и почти одновременными — доказательствами полнаго несоотвѣтствія между лозунгомъ независимости, казалось-бы общимъ для трехъ закавказскихъ республикъ, и дѣйствительною политикою ихъ правительствъ. И пока Армения продолжала уповать на своихъ сердобольныхъ заступниковъ по сю и по ту сторону Атлантики, а Грузія убѣждала себя и другихъ въ безукоризненности своего демократизма, Совѣтская Имперія заняла въ Баку выгоднѣйшее «исходное положеніе» для овладѣнія всѣмъ Закавказьемъ и, обогатившись нефтью, чрезвычайно себя усилила въ «коммерческихъ» переговорахъ съ Англіей, 1920 г.

Послѣ С. Ремо, передъ грузинской делегацией не возникало уже сколько-нибудь сложныхъ задачъ. У меня лично не оставалось къ ея дальнѣйшимъ работамъ ни малѣйшаго интереса, и я собирался возвращаться, наконецъ, въ Тифлисъ. Но какъ разъ въ это время я былъ назначенъ членомъ особой экономической миссіи грузинской республики, по задачамъ которой я и работалъ, съ начала мая по ноябрь 1920 года, въ

Лондонѣ, Римѣ и Парижѣ. Во главѣ этой миссіи стоялъ министръ финансовъ Грузіи К. Канделаки, а въ составѣ ея были и государственный контролеръ Ф. Гогичайшвили — люди, украшенные многими добродѣтелями, напр. скромностью и трудолюбіемъ, рѣдкими на верхахъ грузинской бюрократіи.

Экономическая миссія эта выполнила свою задачу довольно успѣшно. Главное, ей удалось заключить заемъ въ Лондонѣ, во многихъ отношеніяхъ интересный. Итальянскому капиталу, лихорадочно искавшему тогда собственнаго топлива, представлена была концессія на разработку Ткварчельскаго каменноугольнаго мѣсторожденія, на черноморскомъ побережьи Сухумской области*). Съ французскою группою капиталистовъ былъ заключенъ договоръ о планомѣрномъ сотрудничествѣ въ развитіи шелководства въ Грузіи и сбытѣ коконовъ во Франціи и т. д.

Впрочемъ, говорить о дѣятельности этой миссіи не входитъ здѣсь въ мою задачу. Мнѣ вообще остается теперь упомянуть лишь о нѣсколькихъ фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ независимости Грузіи, фактахъ политическаго, а не экономического порядка.

Довольно скоро послѣ извѣстій о захватѣ Баку, выяснилось что весь Азербайджанъ «усвоилъ» совѣтскую форму правленія. Грузинское правительство стало на путь «непротивленія злу». 30 апрѣля 1920 г. предсѣдатель грузинскаго правительства Жорданія разъясняя въ рѣчи Учредительному Собранію, что... «если самъ народъ (т. е. азербайджанцы) сочувствуетъ вторженію иностранной силы въ свою страну, то выступленіе противъ этой силы было-бы съ нашей стороны нарушеніемъ правъ этого народа (sic) и привело-бы, одновременно, къ гибели войскъ, которыя мы бы туда отправили».**). Читавшіе «Кандида» вспомнятъ, конечно, по этому поводу, доктора Панглосса!

Нѣсколько позже получились свѣдѣнія о столкновеніяхъ на грузино-азербайджанской границѣ, о переговорахъ Грузіи съ совѣтскимъ Азербайджаномъ и Россіей.

*) По странному совпаденію споръ о горныхъ правахъ въ Ткварчельской дачѣ (весьма сложный) былъ послѣднимъ дѣломъ, возложеннымъ на меня какъ сенатора-докладчика Правительствующимъ Сенатомъ въ 1917 г.

**) См. текстъ этой рѣчи въ книгѣ Paul Gentizon. La Résurrection Géorgienne. P. 1921, приложение 4-ое. Книга составлена изъ статей, напечатанныхъ въ газ. «Le Temps» авторомъ, специально посланнымъ въ 1920 г. въ Грузію.

Необходимость вообще скорѣйшаго соглашения съ московскимъ правительствомъ, сомнѣній, конечно, не вызывала. Къ «согласительству» клонились, какъ мы видѣли выше (стр. 251) и совѣты великихъ державъ. Англія, болѣе всѣхъ была въ 1920 году, благопріятна установленію между бывшими окраинами Россіи и Москвою основаннаго на компромиссѣ мирнаго сосѣдства. Съ своей стороны, грузинская делегация, еще въ Лондонѣ, въ мартѣ 1920 г., просила содѣйствія англійскаго правительства такому компромиссу.

Но дѣло это, очевидно, касалось, прежде всего, тифлискаго правительства. Найдеть-ли оно съ московскими диктаторами общій языкъ? Если главарямъ грузинской социал-демократіи трудно было сговориться съ Деникинымъ, или съ англійскими генералами, то вѣдь съ большевиками многое ихъ сближало идейно — не говоря уже о личномъ знакомствѣ съ бывшими соратниками.

Признаться, въ С. Ремо мнѣ иногда казалось, что позиція, занятая тогда Чхеидзе (недопустимая и нелѣпая съ точки зрѣнія политики, которая велась въ Европѣ отъ имени и въ интересахъ независимой Грузіи, начиная съ 1918 г.), могла имѣть основаніемъ секретную, мнѣ не сообщенную, инструкцію изъ Тифлиса, связанную именно съ какимъ-нибудь планомъ грузино-русскаго соглашения. Этого, въ дѣйствительности, совершенно не было. Но не подлежить сомнѣнію, что коль скоро, послѣ С. Ремо, не могло быть уже рѣчи о планомѣрной европейской поддержкѣ, оставался еще путь непосредственнаго соглашения съ Россіей и Турціей. Путь трудный, сомнительный — но неизбѣжный. Обязанностью грузинскаго правительства было сдѣлать по этому пути всѣ необходимые шаги.

... Я не знаю въ точности закулисной стороны грузино-русскихъ переговоровъ, приведшихъ къ заключенію — уже 7-го мая 1920 г. (въ Москвѣ) договора Грузіи съ Совѣтской Россіей, а нѣсколько позже (16 іюня 1920 г.), договора между Грузіей и Совѣтскимъ Азербайджаномъ. Но, ознакомившись съ ихъ текстами, приходилось поражаться тому, съ какой легкостью и стремительностью грузинское правительство признало совершившійся въ Баку государственный переворотъ и, слѣдовательно, отказалось отъ идей грузино-азербайджанскаго договора 1919 года, и съ какой поспѣшностью пригла-

сило Совѣтскую власть въ судьи своихъ разногласій о границахъ съ Совѣтскимъ Азербайджаномъ*).

Однако, самымъ показательнымъ постановленіемъ грузино-русскаго договора является то, въ силу котораго Грузія обязалась «принять мѣры къ удаленію съ территоріи ея, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ статьею IV настоящаго договора, всякихъ войскъ и воинскихъ отрядовъ, не принадлежащихъ къ національнымъ войскамъ Грузіи» (п. 5-ый ст V); къ запрещенію имъ отнынѣ пребыванія въ Грузіи (п. 6), а отдѣльнымъ, входящимъ въ ихъ составъ лицамъ — вступленія въ грузинскія войска, въ какомъ бы то ни было качествѣ — между прочимъ и добровольцами (п. 7-ой ст. V).

Грузія брала на себя, такимъ образомъ, прямое обязательство содѣйствовать прекращенію англійской оккупации въ Батумѣ и Батумской области и заранѣе отказывалась отъ мысли о чьей либо помощи въ устройствѣ ея вооруженныхъ силъ. Это было открытое признаніе политическаго преобладанія и вліянія московскаго правительства и, практически, отказъ отъ «европейской ориентации». Чѣмъ объяснить такой поворотъ? Соціалистическими чувствами грузинскаго правительства, бравшими верхъ надъ тяготѣніемъ къ «западно-европейскимъ демократіямъ» съ ихъ «имперіалистическими» правительствами? Можетъ быть. По крайней мѣрѣ, глава грузинскаго правительства въ своей телеграммѣ московскимъ комиссарамъ, по случаю подписанія договора 7-го мая, говорилъ что-то о *совмѣстной работѣ по «насажденію социализма»*. Или, можетъ быть, въ ожиданіи разгрома Польши, лѣтомъ 1920 г., красными войсками, а затѣмъ вступленія послѣднихъ въ «буржуазную» Европу, заранѣе готовили себѣ подходящую позицію?

Во всякомъ случаѣ, между робостью, обнаруженной Чхеидзе въ С. Ремо, — отказомъ его отъ практическаго завершения двухлѣтнихъ почти усилій грузинской политики въ Европѣ — и основной тенденціей грузино-русскаго договора 7-го мая 1920 года, оказалось какое-то внутреннее соотвѣтствіе. Точнѣе говоря, договоромъ этимъ уже исключалась возможность даль-

* Текстъ грузино-русскаго трактата 1920 г. см. въ официальномъ сборникѣ договоровъ, заключенныхъ совѣтскимъ правительствомъ. Французскій переводъ этого договора, а также соглашенія 14 ноября 1920 г., о транзитѣ и торговлѣ между Грузіей и (совѣтскими) Россіей и Азербайджаномъ былъ изданъ особою брошюрою въ Парижѣ въ 1922 г.

нѣйшихъ попытокъ къ осуществленію программы, намѣченной какъ мнѣ лично думалось, въ соотвѣтствіи съ интересами Грузіи и желаніями ея правительства, и главными чертами, которой были: союзъ трехъ закавказскихъ республикъ, укрѣпленіе ихъ — съ цѣлью обороны — при помощи западныхъ великихъ державъ, «интернационализація» Батума съ сохраненіемъ тамъ, временно, союзныхъ войскъ.

85.

Теперь, послѣ крушенія идеи закавказскаго блока и ввиду проникновенія совѣтскихъ войскъ за Кавказскій хребетъ, вопросъ о сохраненіи союзнаго (т. е. британскаго) гарнизона въ Батумѣ получилъ скорое рѣшеніе. Никто не собирался теперь вступать въ военное столкновеніе съ Совѣтами изъ-за независимости закавказскихъ республикъ. И, такъ какъ республики эти не обнаруживали вкуса къ согласованной, твердой самооборонѣ общими силами противъ грозившей опасности, и въ С. Ремо кавказская политика лорда Керзона понесла поражение, то дальнѣйшее пребываніе англійскихъ войскъ въ Батумѣ и Батумской области оказывалось излишнимъ: войска эти были оттуда выведены; причемъ благодаря нетерпѣливому рвенію, съ которымъ грузинское правительство старалось поскорѣе получить въ свои руки Батумъ съ областью, сильно облегчалась для Англии задача — уйти съ честью изъ Батума. Уходъ этотъ уже не казался очищеніемъ занятой империалистической позиціи подъ чьимъ-либо давленіемъ, но лишь передачею временно занятаго собственнику, по принадлежности. Это былъ по формѣ вполне элегантный выходъ изъ положенія. На оставленіи Батума настаивали, вдобавокъ, въ Лондонѣ всѣ сторонники экономіи, радовавшіеся прекращенію еще одной оккупации; и мѣру эту одобряли всѣ вообще противники активной англійской политики въ Закавказьи (т. е. противники Керзона и сторонники Ллойдъ Джоржа). Переворотъ въ Азербайджанѣ, въ свою очередь, благопріятствовалъ такому рѣшенію, которое и имѣлось въ виду уже въ началѣ мая 1920 г.

11 іюня намъ (членамъ груз. экономической миссіи) было сообщено конфиденціально въ Лондонѣ о принятомъ англійскимъ правительствомъ рѣшеніи покинуть Батумъ и передать всю Батумскую область грузинскому правительству. Для формальностей этой передачи, а также для разрѣшенія нѣ-

которыхъ важныхъ «попутныхъ» вопросовъ (напр. эвакуація въ Крымъ изъ Батума «деникинцевъ») въ Грузію посылался полковникъ Стоксъ, новый великобританскій комиссаръ; съ нимъ вмѣстѣ, по просьбѣ англійскаго правительства, отправлялся Д. Гамбашидзе.

Присоединеніемъ Батумской области давалось большое нравственное и политическое удовлетвореніе Грузіи. Но одновременно это былъ, если угодно, даръ данайцевъ.

Не ослабить — ли занятіе Батумской области Грузію на восточной ее границѣ, открытой вторженію? Справится-ли она съ давленіемъ турецкаго націонализма, который несомнѣнно сдерживался присутствіемъ англичанъ въ Батумѣ? Вотъ какія сомнѣнія возникали невольно, и вотъ почему этотъ уходъ Европы изъ Закавказья, естественное послѣдствіе нашихъ несогласій въ С. Ремо, ускоренный послѣдними событіями, мнѣ рѣшительно не нравился. По соображеніямъ, которыхъ не стану здѣсь повторять, я считалъ, что надо было очень дорожить... «англійскимъ населеніемъ» Батума.*)

...Эти сомнѣнія и тревоги не могли быть, конечно, устранены сообщеніемъ о томъ, какъ (4 іюля 1920 г.) грузинскія войска вступили съ триумфомъ въ оставленный британскимъ гарнизономъ Батумъ, какъ грузинскій флагъ былъ поднятъ на его фортахъ.**)

«Философія» событій была очень несложна: Грузія оставалась одинокой на глухомъ перекресткѣ Европы и Азіи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Совѣтской Россіи и Турціи: эти два тарана готовились окончательно разбить кавказское средостѣніе.

Теперь нѣсколько словъ о Севрскомъ договорѣ, этомъ злополучнѣйшемъ порожденіи коллективной великодержавной мысли Западной Европы.

*) Въ 1922 году англійскій Чанакъ, задержавшій на полномъ разбѣгѣ побѣдоносную армію Мустафы-Кемаля у воротъ почти Константинополя, подтвердилъ мнѣ правильность моей оцѣнки въ 1920 г. батумскаго вопроса и пребыванія тамъ англичанъ.

**) Англійскія войска отбыли изъ Батума 10-го іюля. Прощальный банкетъ удался на славу. — Въ подписанномъ при передачѣ Батума протоколѣ, грузинское правительство изъявило согласіе на сооруженіе желѣзной дороги Карсъ-Батумъ, что впрочемъ, не имѣло уже ни малѣйшаго значенія.

Предъявленный уполномоченным турецкого Султана 9 мая подписанный в Севре 10 августа 1920 г., договор этот не только создавал независимую Армению, но также впервые вводил в международное право Европы, в качестве формально признаваемых величин, Грузию и Азербайджан.

Ст. 92 проекта предусматривает порядок определения границ между Арменией и соседними с ней Азербайджаном и Грузией. Границы должны быть приняты по обоюдному соглашению. Если оно не последует к тому моменту, когда установлена будет граница Армении с Турцией, *) в этом случае пограничная черта между Арменией и Грузией, а также Азербайджаном, будет определена главными союзными державами (т. е. Англией, Францией и Италией), которые равным образом озаботятся проведением ее на месте.

Батум провозглашался портом международного значения, открытым для свободной торговли и для флагов всех государств, участников Лиги Наций. Режим свободного порта, под высшим наблюдением Лиги, описываемый в Севрском договоре (ст. 335-346), прилагается к Батуму так же как к Константинополю, Гайдарь-паше, Смирне, Александретте, Хаифе, Басре, Трапезунду. Впрочем, относительно Батума делается оговорка об «условиях, имеющих быть установленными впоследствии» (ст. 335).

Вопрос о суверенитете остается открытым (ib). Редакция ст. 351 («свободный доступ к Черному морю через порт Батум предоставлен Грузии, Азербайджану и Персии, а равно и Армении») отражает еще лондонские идеи (февраль-март 1920 г.), отделявшие Батум от Грузии. Такой же «отсталой» является ст. 352, говорящая о выходе Армении к Трапезунду. Во всем этом много недомолвок и неясностей, ключ к которым лежит в безуспешности наших переговоров в С. Ремо**).

*) Согласно ст. 89, на президента С. Штатов Америки возлагалось решение вопроса о границах между Турцией и Арменией, в вилайетах Эрзерумском, Трапезундском, Ванском и Битлисском. Президент Вильсон исполнил это поручение 22-го ноября 1920 г.

***) Если бы проект соглашения закавказских республик был подписан, он явился бы, по существу, именно дополнением нескольких статей Севрского договора.

10-го августа 1920 г. Аветис Агаронян, от имени Армении, подписал Севрский договор, которым освящалось, наконец, существование независимого армянского государства. Какой несоизмеримый шаг вперед, сравнительно с пресловутой ст. 61 Берлинского трактата 1878 г.! К сожалению, успех чисто бумажный и чисто словесный; и не даром имя Севра так тесно связано с хрупкостью его фарфоровых изделий!

К 10-му августа 1920 года ответственные правители и уполномоченные представители Армении и Грузии уже сделали все, что могли, чтобы со стороны Закавказья обеспечить торжество русско-турецкой оппозиции Севрскому договору. Ни в С. Ремо, ни в Тифлисе, ни в Эривани, не говоря уже о Баку, не обнаружено было ни способности к единению, которое требовалось для создания закавказского блока — ни даже сознания его необходимости, хотя бы как одного из практических условий осуществления Севрского договора. Зато Турция и Россия сумели согласовать свою работу настолько, что на протяжении нескольких месяцев от закавказского «фронта» ничего не осталось. Несогласия и слабость великих держав, поведение Греции, окончательный отказ С. Штатов от поддержки Армении привели затем (в 1920-3 г.г.) к таким переменам на Б. Востоке, которые были равнозначны полному крушению хрупкого севрского создания.

86.

Передачу Батумской области в распоряжение грузинского правительства в Грузии сочли большим его успехом. Видели в этом победу демократии над империализмом и т. д.

Осенью 1920 года, когда Советская Россия, вместе с Турцией, уже являлась решающим фактором в кавказских делах, а великие державы Запада, главным образом, Англия уже отказались здесь от деятельной политики, т. е. когда не от Лондона и не от Парижа, а от Москвы и от Ангоры зависела война или мир в Закавказье и будущее закавказских республик, грузинское правительство, игнорируя Москву и Ангору, сосредоточило на Западе главные свои усилия. Три министра (Гегечкори, Гогичайшвили, Канделаки), председатель Учредительного Собрания (Чхендзе), особый чрезвычайный и универсальный уполномоченный (Це-

ретели) — подвизались въ столицахъ Западныхъ державъ, въ то время, когда конъюнктура, обративъ было на мгновение къ Грузіи свой благожелательный ликъ, повернулась къ ней спиной. Создавалось демонстративное впечатлѣніе близости къ великимъ державамъ, которой на дѣлѣ вовсе не было, и давалась пища притворнымъ опасеніямъ Москвы относительно «базы для европейскаго вмѣшательства» — что не соответствовало дѣйствительности.

Эта фальшивая дипломатическая позиція (вовсе не соображенная съ обстановкою) дополнялась еще несчастнымъ и несвоевременнымъ вовлеченіемъ Грузіи какъ социаль-демократической, будто-бы, республики, въ распрю с.-д. и коммунистическаго Интернаціоналовъ.

Грузія, нѣкогда «удѣлъ Божьей Матери», дѣлалась теперь удѣломъ 2-го Интернаціонала. Въ сентябрѣ 1920 г. «осмотръ на мѣстѣ» Грузіи дѣятелями послѣдняго (Р. Макдональдъ, Вандервельде, г-жа Э. Сноуденъ, Ренодель, Каутскій, Гюисмансъ и др.) получилъ значеніе какой-то идейной демонстраціи, направленной противъ 3-го т. е. коммунистическаго Интернаціонала. Эта прогулка видныхъ европейскихъ социалистовъ, — въ ихъ числѣ трехъ статсъ-дамъ 2-го Интернаціонала (г-жъ Каутской, Вандервельде, Сноуденъ), съ любопытствомъ лорнировавшихъ «эту милую, живописную Грузію» — встрѣченныхъ въ Грузіи съ официальными почестями, къ которымъ они не были столь привычны у себя на родинѣ, имѣла большое значеніе для внѣдренія въ ихъ умахъ идеи независимой Грузіи, какъ демократическаго «оазиса.*) Для упроченія-же этой независимости *in the strenuous conditios of our time* «въ трудныхъ условіяхъ нашего времени», экскурсія эта никакого значенія, конечно, не могла имѣть: она даже вызвала или усилила, крайне некстати, иллюзіи относительно «поддержки Западной демократіи», окончательно сбивая съ толку народъ, которому остался, конечно, непонятнымъ дѣйствительный смыслъ ухода англичанъ изъ Батума, какъ непонятнымъ было для него сравнительное значеніе, для независимости Грузіи, въ 1920 году, «Верховнаго Совѣта великихъ союзныхъ державъ» и «амстердамскаго Интернаціонала». Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, т. е. по части непониманія, пастыри были единодушны съ паствою.

... Между тѣмъ по сосѣдству съ Грузіей, совѣтская власть

*) Памятникомъ этой поѣздки является изданная въ 1921 году въ Парижѣ книга: «L'Internationale socialiste et la Géorgie».

не только укрѣпилась прочно въ Азербайджанѣ (лѣтомъ 1920 г. въ виду русско-польской войны и присутствія въ Батумѣ англичанъ, большевики произвели давленіе въ направленіи Персіи, а не къ Черному морю), но и подготовляла капитуляцію Арменіи — предложеніемъ ей помощи въ ея стѣсненномъ положеніи и политикою «корридора» для примыканія къ Турціи черезъ Карабагъ.

Но и въ самомъ Тифлисѣ подготовительная работа совѣтской миссіи была въ полномъ ходу: помимо агитаціи и идейной борьбы коммунизма съ социаль-демократіей, исподволь производилось наблюденіе и «внутреннее освѣщеніе», старыми средствами и опытными специалистами.

Тѣмъ временемъ, пребывавшіе въ Европѣ грузинскіе сановники совѣщались о томъ, какъ наилучшимъ образомъ устроить заграничное представительство Грузіи (парижская делегація подлежала упраздненію съ конца октября 1920 года). Министръ иностранныхъ дѣлъ Гегечкори, оставивъ эти дѣла на попеченіи совершенно случайныхъ людей, терялъ время на дальнѣйшее, по стопамъ делегаціи, «хожденіе по дѣлу» о юридическомъ признаніи Грузіи. Имѣлъ онъ въ Лондонѣ разговоры и относительно Батума — но съ апрѣля 1920 года вопросъ этотъ потерялъ уже практическое значеніе; о немъ еще говорили — такъ какъ «заведено» было соответствующее «дѣло».

Вопросъ-же о формальномъ признаніи Грузіи катился теперь по торной дорогѣ, вслѣдъ за вопросомъ о признаніи балтійскихъ республикъ.

Русско-польскій кризисъ завершился пораженіемъ Россіи — послѣ того какъ она была, казалось, на волосокъ отъ побѣды.

Сбросить войска генерала Врангеля въ море становилось теперь для совѣтской власти главной задачей: это былъ послѣдній «фронтъ» въ Европейской Россіи..

Англія окончательно избрала стезю разговоровъ о возобновленіи торговли съ Россіей и готовилась предоставить послѣдней свободу дѣйствій въ республикахъ Закавказья. Она уступила Франціи и заботу о подкрѣпленіи Польши противъ удара совѣтскихъ войскъ, и разочарованія, связаннаго съ неудачами генерала Врангеля, и, вообще патронированіе, въ той или другой формѣ, противниковъ совѣтской власти.

Но ни положеніе, ни интересы Франціи не позволяли ей и думать объ активной политикѣ въ Закавказьи. Противовѣса давленію Совѣтской имперіи здѣсь уже нельзя было ожидать: и Арменія, и Грузія отнынѣ обречены.